

A0-2149

//CONDLOOT: 998.1
PATEUEN - 78

FW: [000CET] [ONLINE]
Upload//tab.-a.0.-2149

SYS.2.01.10
MEMORY: 78%
CORE TEMP: 42.7°C
NEURAL SYNC: 92%

01010 011 00.0111
1010.111.0011.1111
010001.10 11.000

Грей Ковач

A0 - 2149

«Автор»

2026

Ковач Г.

А0 - 2149 / Г. Ковач — «Автор», 2026

Он очнулся в темноте, которая пахла металлом и чужой смертью. Между его последним воспоминанием и этой темнотой — сто двадцать три года, прожитые миром без него. Их двое в одном теле, но граница между ними проходит не там, где кажется. Всё, что уходит из одного, достаётся другому. Ни один из них этого не выбирал. Можно ли верить единственному, от кого невозможно уйти?

Грей Ковач

А0 - 2149

Глава 1

Яркий белый свет бьёт прямо в глаза.

Где-то над креслом играет спокойная музыка, что-то совсем нейтральное, почти усыпляющее. Сбоку, на самом стоматологическом аппарате, мерцает маленькая красная точка, к которой Артём то и дело возвращается взглядом, сам не зная зачем.

Врач сидит рядом, натягивая зеленые, специальные перчатки.

— Так, давайте начнем, рот держите чуть пошире, — мягко, как любимому пациенту, говорит он.

Врач пока возится с обезболиванием, симпатичная медсестра регулирует еще раз свет, готовит инструменты к работе.

Артём глубоко вздыхает, выныривая из собственных мыслей про недавно посещенную кофейню с необычно вкусным кофе, куда собирается зайти еще не раз. Про постоянные тренировки по велоспорту, которые он уже откровенно не тянет из-за работы, еще новую, очень непростую рабочую жизнь после брошенного универа. Потом послушно открывает рот еще сильнее.

Врач наклоняется к нему со шприцем.

— Ага, хорошо. Сейчас будет укол, постарайтесь не дёргаться.

Он коротко кивает, но, когда игла медленно приближается к десне, невольно напрягается и зажмуривается ещё до того, как металл касается кожи.

Звук исчезает сразу. Не становится тише, не проваливается постепенно, он просто перестаёт быть. Точно кто-то одним движением вырезает из мира успокаивающую музыку, голос врача, мягкий шум вентиляции, всё подобное вместе и сразу. Остаётся только собственное дыхание, тяжёлое и неровное, да глухой стук сердца где-то глубоко внутри головы.

Кресло вдруг резко дёргается, совсем рядом, где-то немного ниже ударяет металлический щелчок, потом раздаётся второй, еще ниже, уже у самих ног, глаза Артема распахиваются в совершенно другом месте.

Никакой стоматологии вокруг больше нет! Вообще ничего знакомого рядом!

Холодный оранжевый свет растекается по полностью металлическим стенам. Такой же металлический потолок усыпан кабелями и тёмными панелями, воздух здесь очень сухой и стерильный, а его запястья и ноги сжимают жёсткие фиксаторы.

Артём рвётся раньше, чем успевает понять зачем, но металл лишь глубже впивается в кожу. Он тяжело вдыхает и вдруг только сейчас замечает, что всё ещё держит рот открытым.

— Какого

Голос звучит глухо и чуждо, но никто не отзывается на него, никто рядом не дышит и не шевелится. Взгляд в начинающейся панике мечется по небольшой комнате, выхватывая царапины на сером металле стен, тёмные пятна у дальней стены, старую жёлтую маркировку под потолком: «СЕРВИСНЫЙ МОДУЛЬ 4». Ниже ещё строку, в которой часть букв стёрлась до нечитаемого «СИНТ-ОПЕРАТ».

— Что за хрень?

Мозг судорожно пытается собрать картинку вокруг во что-то нормальное — розыгрыш, сон, бред!

Но всё окружающее его слишком плотное, чтобы оказаться неправдой: холод металла на запястьях, сильная сухость во рту, давящее оранжевое свечение, проступающее на веках при каждом движении ресниц.

Слева от кресла вдруг вспыхивает небольшой экран. Белые буквы дрожат, как у системы, едва вышедшей из долгого сбоя, зато на чёрном фоне проступает сухая строка: «ВВОД НЕЙРОПЛАЗМЫ АКТИВЕН».

Под надписью сразу же начинает мигать быстро меняющийся процентный показатель — девяносто четыре, девяносто один, восемьдесят семь

Артём дышит все чаще, рвётся снова, но фиксаторы держат намертво прохладным металлом, каждое движение лишь сильнее вдавливают металл в запястья и причиняют серьёзную боль.

На его «Эй!..» никто не отзывается, только где-то за стеной слышен ровный низкий гул да справа коротко искрит повреждённый манипулятор. Слишком тонкий, висящий под странным углом, с игольного инжектора медленно стекает прозрачная капля. Механизм сломан, но всё равно продолжает работать, не замечая собственной поломки. Поэтому капля за каплей падают на металлический пол без звука.

Показатель на экране падает дальше: пятьдесят два, тридцать четыре, восемнадцать, — пока поверх прежней строки не проступает новая: «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ АКТИВИРОВАН».

— Нет стойте

Из подголовника с резким щелчком выдвигаются дополнительные фиксаторы и со вторым щелчком намертво зажимают голову. Теперь нельзя даже на чуть-чуть ее повернуть. Паника поднимается так быстро, что почти сводит грудь, воздух застревает в горле, сердце бьётся неровно, слишком близко к ушам.

Строка на экране сменяется: «ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ НЕЙРОИМПЛАНТАЦИИ», как видит Артём, максимально скосив на нее глаза.

— Алло черт, да что происходит?! — выдыхает в полной панике Артём. — Какая имплантация! Я не хочу! Не имеете права!

За креслом оживает механизм, сначала тихо, коротким электрическим рывком, глухим ходом сервоприводов, металлическим «ж-ж-жк» где-то совсем рядом. Потом звук становится плотнее, ближе. Артём дёргается сильнее, но кресло даже не качается от его резких движений. В его равнодушном, неподвижном сопротивлении прячется что-то страшнее самого звука, машина за спиной никуда не торопится. Она просто выполняет положенную процедуру. Звук подходит к затылку, вот теперь Артём отчётливо различает тонкий металлический визг, кажется, маленькая хирургическая пила медленно раскручивается прямо за его головой.

— Нет не-етне-еет!!!

Он рвётся всем телом, теперь фиксаторы очень болезненно впиваются в руки. Холодный наконечник плотно прижимается к затылку, несколько секунд не происходит ничего, кроме давления на него — тяжёлого, очень чужого. Ведь для металла, ровно упирающегося в череп, не существует ни кожи, ни страха, ни человека в кресле. Есть только одна заложенная программа, которую он просто выполняет.

Потом начинается неприятная вибрация. Сначала в зубах, потом в челюсти, потом по всей голове неприятным дрожащим звоном, от которого Артём на мгновение перестаёт дышать.

Сознание все ещё цепляется за невозможность того, что с ним сейчас происходит.

«Сейчас все остановится, сейчас кто-то войдёт, сейчас все окажется сном!»

Пока он не слышит хруст. Тихий, влажный, совсем близкий хруст прорезаемой кости.

Боль приходит не сразу, сначала холодное давление продавливают внутрь головы. Теперь его череп перестаёт быть частью тела, превращаясь в тонкую преграду, которую аккуратно

преодолевают снаружи. А потом ударяет сама боль — резкая, ослепляющая, отчаянный крик вырывается раньше, чем он узнаёт собственный голос. Перед глазами всё плывёт, оранжевый свет растекается дрожащими пятнами, но пила идёт через череп ровно, спокойно, с механической точностью.

— Стой!.. Стой, тварь!.. А-а!..

Голос начинает отдаляться, точно кричит уже не он, а кто-то другой, запертый в соседней комнате. Шум в голове нарастает, забивает дыхание, бьётся в зубах, в глазах, в горле. Боль становится такой огромной, что сознание перестаёт удерживать её целиком. Поэтому оно рвётся, проваливается, вспыхивает обрывками света, металла и собственного крика. Пока изображение не дёргается в последний раз и сознание резко не проваливается в спасительную темноту

Где-то над ним, сквозь тяжёлую темноту, ровно мигает красный свет. Каждая вспышка сопряжена с глухим электрическим щелчком, проходя через голову изнутри. Артём пытается открыть глаза, но веки налиты свинцом, голова пульсирует тупой давящей болью. Еще по шее медленно стекает что-то тёплое, он почти сразу понимает — его кровь. Сознание плавает между сном и явью, цепляясь за шум в ушах, за собственное хриплое дыхание.

Зато где-то рядом вдруг звучит голос — невнятный, искажённый, доносящийся словно сквозь толщу воды.

Артём пытается разобрать слова, но до него доходят лишь отдельные звуки, чужие и бессмысленные.

«Кто-то все же пришел сюда? Остановил мучительную процедуру?» — не понимает пока он.

Он снова заставляет себя открыть глаза, на этот раз получается приоткрыть веки чуть сильнее. Под потолком медленно мигает красный аварийный свет — вспышка, темнота, вспышка, темнота. Теперь каждое возвращение красного больно отзывается под черепом. А вместе с ним там, внутри, ощущается что-то чужое. Не просто боль, не просто рана, а странное давление, словно в голову вставили предмет, которому там раньше не было места.

Голос становится отчетливее. Тихий, хриплый, слишком близкий.

— Что Нет

Перед ним, в красном мигающем полумраке, стоит человек, развёрнутый к креслу спиной, так что какое-то время Артём видит только плечи, шею да поднятую перед лицом руку. И что-то с этим человеком явно не так. По краям фигуры, вдоль линии плеча и по контуру руки пробегает быстрая рябь, тонкая, почти неуловимая. Еще на долю секунды сквозь незнакомца просвечивает красный свет станции. Точно на месте плотного тела не плоть, а изображение, которое не до конца держится. Артём моргает, рябь сразу пропадает, фигура снова кажется сплошной. Он уже не уверен, что вообще видел подобное расслоение странной фигуры.

Незнакомец рассматривает собственные пальцы, как что-то невиданное. Еще сами пальцы заметно дрожат.

— Я

Он замолкает на полуслове, потом медленно касается ладонью металлической стены рядом с собой и застывает.

— Холодно

Пауза растягивается так сильно, что Артём успевает услышать, как где-то в глубине других помещений вдруг глухо начинает работать вентиляция.

— Что-то не так

Незнакомец опускает руку, но так и не оборачивается. Красный свет снова скользит по его спине, по стене, по полу.

— Что-то изменилось

Артём смотрит на него и боится даже вдохнуть. Грудь сдавливает, воздух заходит коротко и неровно, но тело, ещё не очнувшееся после боли, уже понимает опасность быстрее разума.

— Нужно понять, — силуэт чуть наклоняет голову, прислушиваясь к самому себе, — что именно изменилось.

Красный свет снова мигает.

— И кто ты?

После этих слов незнакомец наконец поворачивается, но Артём не успевает рассмотреть его лицо. Человек резко, почти рывком, идёт к креслу, слишком быстро, поэтому внутри всё сжимается. Артём хочет что-то сказать, но дыхание застревает в груди, а незнакомец уже подходит вплотную, хватая его за одежду и дёргает вперёд резко. Их лица оказываются почти рядом.

— Как

Он снова осекается и упирается Артёму прямо в глаза, не моргая.

— Ты здесь

— Я я

Ответ не успевает сложиться, ведь в следующую секунду незнакомец сдёргивает его с кресла. Артём рушится на металлический пол, ударившись боком так, что из груди выбивает воздух. Он пытается вдохнуть, но сверху уже наваливается чужой вес, пальцы смыкаются на горле, и воздух исчезает. Не постепенно, а сразу, точно кто-то перекрыл внутри него единственный проход.

Артём задавленно хрипит, вцепляется в чужую руку, пытаясь оторвать её от шеи, но пальцы держат слишком крепко, перед глазами начинает густеть темнота. Тогда он бьёт почти наугад, кулак врезается незнакомцу в лицо, тот отшатывается лишь на мгновение, но снова лезет сверху. И только резкий удар ему куда-то в живот хорошо тренированной ногой, выбитый полным отчаянием, позволяет Артёму сбросить его с себя.

Они отпрядывают друг от друга и замирают на полу, тяжело хватая воздух. Несколько секунд никто не двигается. Руки Артёма дрожат, он поднимает ладонь перед собой, скорее просто защищаясь, чем осознанно, но в тот же миг незнакомец делает то же самое.

Артём застывает. Незнакомец тоже.

Медленно, не веря собственным глазам, Артём отводит руку в сторону, человек напротив с серьёзным лицом повторяет движение точно так же, с той же амплитудой, как отражение в испорченном зеркале. По спине проходит холод. Он осторожно поднимает ладонь выше, незнакомец повторяет жест один в один. Теперь они оба не двигаются, пока красный свет вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет, раз за разом собирая перед Артёмом чужое лицо, чужие руки, чужую позу. Но каждый раз это чужое слишком точно отвечает его собственному телу.

— Невозможно — тихо произносит незнакомец.

Артём смотрит на него, не понимая, что происходит, только вдруг силуэт незнакомца дёргается, очень резко, с сухим треском помех. На мгновение человек исчезает, потом появляется снова, изображение срывается с места и не успевает вернуться полностью.

Ещё рывок, сухое «кх-кх», потом «кх-кх-кх» и в следующую секунду напротив Артёма уже совсем никого нет.

